

Д ПРП ІОАННА ДАМАСКІНА Д ПРП АНДРЕЇ КРИТСЬКІ ПРП КОСМА МАЛУМСЬКІ

Святые гимнографы Православной Церкви — преподобные Иоанн Дамаскин, Андрей Критский и Косма Маиумский

ГИМНОГРАФИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ПРЕПОДОБНОГО АНДРЕЯ КРИТСКОГО

Труды гимнографов Церкви, вошедшие в состав Богослужения, рассматриваются в последнее время как особый раздел — Литургическое Богословие.

Действительно, мы не находим подобного определения в работах маститых исследователей песнопения и песнотворцев Православной Церкви ни в минувшем XIX веке, ни в начале текущего XX-го. С понятием Литургического Богословия, как богослужебного достояния отцов и песнопевцев Церкви, мы встречаемся только во второй половине текущего столетия. Особенно отчетливо это представлено Преосвященным Вениамином (Миловым) в «Чтениях по Литургическому Богословию»¹.

Разбирая чинопоследование вечерни, утрени и других частей Богослужения Православной Церкви, изложенное в различных богослужебных книгах, Преосвященный Вениамин весьма обстоятельно анализирует значение тех или иных произведений святых песнописцев, которые, будучи посвящены спасительным догматам православного исповедания, имеют непосредственное отношение и в наше время к жизни, подвигу и великому делу спасения каждого из членов Церкви — как мирянина, так и инока. Автор труда по Литургическому Богословию рассматривает произведения некоторых отцов, касаясь, то кратко, то более подробно, тех основных богословских положений, которые в них раскрываются. Эти-то положения и составляют живую ткань предмета Литургического Богословия.

В наших опытах исследования богослужебного достояния Православной Церкви предлагается путь анализа произведений отдельных творцов этого великого литургико-поэтического наследия с уяснением как отдельных богословских истин, являющихся предметом воспевания этих отцов, так и доступного понимания индивидуальности каждого из преподобных песнопевцев, обогативших, в меру своих дарований, сокровищницу Православного Богослужения. Тем плодотворней представляется сопоставление различных методов в познании Православной Литургии, изучение трудов отдельных песнотворцев церковных как литургистов-богословов, иными словами — участия каждого церковного гимнографа в создании Литургического Богословия.

Православное богослужение благодатно воздействует на человеческую душу, и потому анализ этого воздействия и исследование источников тех живых кладезей, которые питают священнодействие Богослужения, не могут быть признаны излишними или тщетными.

Каждый, кто молится в храме, кто возлюбил церковную доброту, красоту святого Богослужения, тем самым уже причастен Литургическому Богословию; он учится и учит — как мудрствовать, как проходить жизненное поприще с помощью молитв и славословий тех столпов Духа, которые посвятили свои творчество и жизнь служению Церкви, устрояя чинопоследование Богослужения.

Одним из таких столпов Духа, наиболее ранних и огненных деятелей на поприще песнотворчества, несомненно является преподобный Андрей, архиепископ Критский († 712).

Преподобный Андрей жил и писал в тот период византийской церковной поэзии, который признается профессором И. А. Карабиновым порой ее расцвета — с V по IX век². Это происходило в восточной части Византийской империи, в Сирии, откуда позднее определилось движение церковной поэзии на запад, где, в частности в Константинополе, увеличилось число гимнографов.

Преосвященный Филарет, архиепископ Черниговский, указывает, что период, в который жил и творил преподобный Андрей, был наполнен бедствиями, которые Свя-

тая Церковь терпела от магометанства, монофизитства и монофелитства. Хронологические рамки этого периода он определяет с 620 по 850 гг.³

Творчество святителя Критского в значительной мере предвляло труды известных гимнографов — преподобного Иоанна Дамаскина и святителя Космы, епископа Манумского, которые творили преимущественно в середине и конце восьмого столетия.

Преподобный Андрей родился в седьмом веке в Дамаске, где и получил домашнее образование. По свидетельству святителя Димитрия Ростовского⁴, святой Андрей был немым до семи лет и получил дар слова после приобщения Святых Христовых Таин. Протоиерей Сергей Булгаков⁵ также отмечает этот факт. На 14-м году жизни преподобный Андрей ушел из родительского дома в Иерусалимскую обитель святого Саввы. Здесь он вскоре стал письмоводителем при дворе правителя Иерусалимской Патриархии Феодора, продолжая строгую подвижническую жизнь. В 679 году он был направлен вместе с двумя другими доверенными Иерусалимской Патриархии в Константинополь на Шестой Вселенский Собор и привез список определений Собора. Святитель Димитрий указывает, что на этот Собор преподобный Андрей был послан в сане архидиакона⁶. Преосвященный Филарет отмечает, что преподобный Андрей был вторично вызван Патриархом Константинопольским в Константинополь и там посвящен им в сан диакона Великой Софийской церкви⁷. Подвиги преподобного Андрея в Иерусалимской обители, усердное изучение в ней слова Божия и писаний святых отцов навсегда сохранили за ним имяование Иерусалимлянина. При соборе Святой Софии преподобному Андрею была поручена Патриархом Константинопольским должность питателя спрот, он был также служителем болящих и попечителем странников⁸.

В правление императора Юстиниана II преподобный Андрей был поставлен архиепископом Критским и ревностно проповедовал слово Божие своей пастве. Его молитвы спасли от нашествия арабов остров Крит, о чем свидетельствует сам Святитель в Слове на Обрезание Господне: «Так, оставаясь православными, избегли мы страха языков и острова прияли спасение». Известны и многие другие чудеса пастыря Критского — в засуху по его молитвам ниспосылался дождь и верные ограждались от бед его предстательством. Преподобный Андрей прожил долгую жизнь, так, в частности, имеются свидетельства, что, убеленный сединами, он приносил похвальные слова святым; в тексте Великого канона содержится указание, что это произведение написано им в преклонном возрасте.

В 712 году, возвращаясь с Константинопольского Собора, преподобный Андрей заболел на острове Митилена и скончался в пути на остров Крит, в г. Иерис. Свидетельством долгой подвижнической жизни остались его вдохновенные творения, его «медоточные глаголы», по определению святителя Димитрия Ростовского⁹.

* * *

Наследие преподобного Андрея Критского обширно.

Профессор Петербургской Духовной Академии И. А. Карабинов в своем основательном исследовании Троицы Постной определяет, что по древним ирмологиям насчитывается до 70 канонов пастыря Критского. Автор отмечает также, что песнотворческая деятельность преподобного Андрея недостаточно изучена¹⁰. Преосвященный Филарет различает в песнотворческом наследии Критского святителя различные формы произведений¹¹.

1. Песни богословские: а) Трипеснцы на повечерии Недели Ваий и первых четырех дней Страстной седмицы; б) Каноны: Воскрешению Лазаря; в Неделю жемчироносца; Преполовения Пятидесятницы; на Рождество Иоанна Предтечи; в) Стихиры самогласны: на Сретение Господне; на Рождество Христово.

2. Песни в честь Богоматери: Каноны на Рождество Богородицы и на зачатие святой Анны (9 декабря).

3. Песни в честь святых апостолов: стихиры святым апостолам Петру и Павлу; святому апостолу Андрею Первозванному.

4. Песни святым мученикам: а) каноны: святым мученикам Маккавеем; Усекновению главы Иоанна Предтечи; святым мученикам Трифону и Феофилу (23 июля); священномученику Игнатию Богоносцу (20 декабря); б) стихиры самогласны святым мученикам: священномученику Игнатию Богоносцу (20 декабря); святым убеленным младенцам (29 декабря); святому мученику Прову (12 октября); великомученику Димитрию Солунскому (26 октября).

Однако, наряду с названными произведениями преподобного Андрея, наиболее известен его Великий канон, который Святая Церковь установила читать по частям

на великом повечерии в первые четыре дня первой седмицы Святой Четыредесятницы, а также целиком на утрени в четверг пятой седмицы Великого поста.

Преосвященный Филарет утверждает, что во время жизни преподобного Андрея Критского названия канона не имело. Великий канон назывался стихирой или «стихирами святоградца» (напомним, что за преподобным Андреем сохранилось имя Иерусалимлянина), а также «последование песней святоградца»¹². Эта великая стихира преподобного пастыря Критского позднее была сформирована в канон, причем были написаны тропари преподобной Марии Египетской, поскольку и самое чтение Великого канона положено на день ее памяти, на утрени в четверг пятой седмицы Великого поста. Это преобразование великой стихирой святоградца в форму канона Преосвященный Филарет усвоет трудам преподобного Иоанна Дамаскина¹³, а исследователь песнопевцев профессор И. А. Карабинов связывает этот факт с именем преподобного Феодора Студита¹⁴. Ирмосы песен Великого канона преподобный Андрей брал, по-видимому, непосредственно из библейских песен, причем не опускал второй песни канона, имеющей непосредственное отношение к глубокому чувству покаяния, которому посвящено содержание Великого канона.

Кроме перечисленных произведений Критского пастыря, И. А. Карабинов, относя к числу его трудов канон в среду Сырной седмицы, отмечает, что многие из его произведений находятся в рукописях и упоминает, что несколько стихир самогласных в Неделю Ваий, Великие Четверг и Пятницу также принадлежат авторству преподобного Андрея Критского¹⁵. Преосвященный Филарет сообщает, что в рукописях находятся каноны преподобного Андрея: на исход души и канон покаянный шестого гласа¹⁶.

Исследователи творчества пастыря Критского единогласно признают, что произведения его были чрезвычайно пространны и позднее сокращались. Сокращены и трипесницы, несмотря на их высокое достоинство. Имеются сокращения и в девятой песни Великого канона. В практике церковного Богослужения многие каноны святого Андрея Критского со временем были заменены появившимися позднее канонами преподобных Космы Маиумского и Иоанна Дамаскина. Возможно, что одной из причин этой замены было то, что каноны преподобного Андрея были значительно пространнее. Воскрешая образ преподобного пастыря Критского, Преосвященный Филарет отмечает в его произведениях «основательное знание и богатство учености, речь приятную и стройную»¹⁷. В другом произведении Преосвященный Филарет характеризует преподобного Андрея как витию и церковного поэта. Он перечисляет около 20 его Слов на великие Господские и Богородичные праздники, упоминает и о стихах, которые написал преподобный архидиакону Агафону в благодарность за доставленное ему архидиаконом описание Деяний Шестого Вселенского Собора. В этих стихотворениях для Преосвященного Филарета представляются наиболее значительными слова пастыря Критского: «Два во Христе действия — два в Нем хотения». Это утверждение преподобного Андрея имеет существенное богословское значение, так как направлено против распространенной в то время монофелитской ереси¹⁸. Ссылаясь на издание Слов (проповедей) преподобного Андрея Комбефизом и Дюпеном, Преосвященный Филарет с большим удовлетворением отмечает, что эти издатели, подобно ему самому, отзываются с похвалой о достоинстве произведений пастыря Критского, «указывая в них украшения речи приятные, стройный состав, обилие чувствований, основательность мыслей богословских, высоту созерцаний таинственных»¹⁹.

Следует также указать, что в своих «Чтениях по Литургике» профессор Московской Духовной Академии А. П. Голубцов, часто высказывающий критические замечания в адрес знаменитых церковных песнописцев, не находит таких в отношении трудов преподобного Андрея Критского. Он говорит, что «составители полных песенных канонов: Иоанн Дамаскин и Косма Маиумский отмечают уже эпоху окончательной организации этого рода произведений и стоят на конце долгого пути, пройденного этою отраслью песнопения». «Поднимаясь от них выше, — продолжает А. П. Голубцов, — мы встречаемся с именем Андрея Критского...». Автор допускает, что преподобный Андрей пользовался особыми песнями — в качестве ирмосов — «и по ним составлял свои строфы или тропари»²⁰. Вслед за Преосвященным Филаретом А. П. Голубцов говорит о Великом каноне преподобного Андрея, как о поэме²¹. Из утверждений А. П. Голубцова о трудах пастыря Критского явствует глубокое уважение литургиста к деятельности преподобного отца.

Интересно, что и в новых исследованиях по истории Византии (1967 г.) исследователи византийской культуры (С. С. Аверинцев и А. Я. Сыркин) отзываются с большой симпатией о личности преподобного Андрея, говоря об «эмоциональной теплоте» его произведений²².

Образ святителя Критского, подвизавшегося на уединенном острове, умершего на пути при исполнении церковного послушания и долга на другом острове, вырисовывается с определенной отчетливостью из толщи многих веков. Еще отчетливее можно прочитать особенности души преподобного Андрея, его неповторимой индивидуальности, образ его мирозерцания и мироощущения в строках его Богодухновенных произведений.

Достоинно внимания то обстоятельство, что уже вскоре после блаженной кончины, на исходе восьмого века, когда завершался преподобными песнописцами его Великий канон, святитель Андрей Критский был уже канонизован, и ему, как святому, были составлены тропари, в которых испрашивается его помощь и заступление перед Престолом Божиим.

* * *

Анализ песнопевческого достояния преподобного Андрея Критского, несомненно, следует начать с наиболее известного его произведения — Великого канона.

Это произведение, называемое в древних списках, как уже указывалось выше, «стихирой святоградской», поистине является произведением особым: оно содержит до 250 тропарей и, по предположению Преподобного Филарета, первоначально не имело типичных ирмосов, не было и отчетливого деления на песни. Ирмосы песней в их современном звучании присоединил позднее преподобный Иоанн Дамаскин, а тропари в честь преподобной Марии Египетской и самого преподобного Андрея написаны также позже преподобными братьями Феодором и Иосифом Студитами при упорядочивании текстов Троицы (согласно свидетельству Никифора Каллиста). Тропарь в честь преподобной Марии имеют даже свой самостоятельный акростих²³.

Профессор Петербургской Духовной Академии Е. И. Ловягин при переводе богослужебных канонов с греческого языка на русский указывал, что Великий канон преподобного Андрея Критского правомочно именуется великим произведением не только по своему содержанию, но и по обширности. Если обычные каноны, отмечает он, «закрывают в себе около 30 песнопений или немного более, он (Великий канон) содержит в себе до 250 тропарей с ирмосами»²⁴.

В исследовании песнопевцев и песнопения греческой Церкви Преподобный Филарет дает глубокую оценку внутренним качествам этого произведения преподобного Андрея. «Великий канон, — пишет он, — является таковым не по числу только стихов, но и по внутреннему достоинству, по высоте мыслей, по глубине чувств и по силе выражений. В нем духовное око зрит события обоих заветов в духовном свете...»²⁵. Это свидетельство Преподобного Филарета очень значительно, так как указывает его весьма строгое суждение о многих Богослужебных произведениях, подвергшихся его исследовательскому изучению. Тем более ценно указание маститого богослова на подлинно духовную ценность произведения преподобного Андрея, в котором «духовное око зрит события... в духовном свете»²⁶.

Известный исследователь Троицы Пустой профессор И. А. Карабинов называет Великий канон «покаянной автобиографией преподобного Андрея Критского». Он считает, что Великий канон был составлен в последние годы жизни Критского пастыря, что это произведение было его покаянным трудом перед смертью²⁷. С приведенными данными профессора И. А. Карабинова согласуется мнение Преподобного Филарета, опровергающего сообщение Никифора Каллиста о том, будто Великий канон был принесен преподобным Андреем на Шестой Вселенский Собор в 679—680 годах²⁸. Произведение это, несомненно, создавалось в более поздний период жизни Святителя, и утверждение И. А. Карабинова вполне обоснованно, так как в отдельных тропарях канона действительно имеются указания на написание этого произведения святым отцом в старости. В исследовании источников Троицы Пустой профессор И. А. Карабинов вместе с тем предполагает, что Великий канон преподобного Андрея не имел связи с Четырнадцатницей, что связь эта случайна²⁹. Возможно, что канон был позднее принят Святой Церковью для чтения в дни Великого поста, но ряд исследователей, например, профессор Е. И. Ловягин, находит в нем органичную связь с днями покаяния, установленными Церковью в дни Четырнадцатницы. «Был усвоен особенно времени покаяния, — пишет он, — этот канон совершенно соответствует сему времени своим содержанием, своим духом и направлением, по которому он справедливо называется иначе каноном покаянным или умилительным»³⁰.

О том же свидетельствует Святая Церковь словами Синаксаря Троицы на утренней четверга пятой седмицы, где указывается, что канон имеет «умиление неистенно», что он «поучает... всякую душу — еликим убо благим повести ревновати и подражати по силе, еликих же злых отбегати, и присно к Богу востекати покаянием, слезами и исповеданием и иным яве благоугождением; обаче (сей канон) толико есть широк и сладкогласный, яко и саму жесточайшую душу доволен умягчити и к бодрости

благой воздвигнути, аще точно с сокрушенным сердцем и вниманием подобным поется»³¹.

Очевидно, следует признать, что если Великий канон святого Андрея Критского и является его покаянной автобиографией, то его преподобный автор несомненно думал и о душах человеческих, как пастырь и епископ, располагая верующих во Христа к спасительному и животворному покаянию в дни Великой Четыредесятницы.

Преосвященный Филарет в труде об отцах Церкви уделяет большое внимание оценке Великого канона преподобного Андрея Критского. Он указывает, что хотя этот канон написан не стихами, а прозой,—по тону своему он (канон) является «самым высоким произведением поэзии»³². В тропарях канона, по словам Преосвященного Филарета, «много... чувства живого, глубокого, святого, так много образов и образов не мечтаем созерцаемых, а мыслию верною!.. одна мысль дает разнообразно частей стройный состав — мысль о нужде обращения к Богу для души грешной; одно чувство проникает все части целого — чувство сокрушения. Духовное око поэта зрит события обонх заветов в свете веры; лица святой истории то представляют ему образы духовной жизни, то примерами падения возбуждают к строгому подвигу; в том и другом случае изображают тайны внутренней жизни... Так святой Андрей зрит на священную историю оком древности, озаренной светом откровения! Но у него всё более в движении чувство — чувство, занятое скорбью о грехе и гибели страстей; при первой мысли о том или другом душа его вся обращается к своему состоянию, вопиет к Господу о милости и только по временам восторгается сладким упоением на Бога в Христе Иисусе»³³.

В составе Великого канона профессор И. А. Карабинов усмотрел определенную структуру каждой его песни. Так, он утверждает, что преподобный Андрей в первой части каждой из песен беседует со своей душой, а во второй — взывает к Богу о помиловании. И. А. Карабинов констатирует, что в песнях канона не всегда сохранена точная библейская хронология — так, преподобный Андрей говорит о всемирном потопе позднее, чем о гибели Содома и Гоморры. И. А. Карабинов указывает также, что библейские повествования даются в первых восьми песнях канона, тогда как новозаветные — только в девятой³⁴.

Однако изучение Великого канона в переводе профессора Е. И. Ловягина позволяет обнаружить, что во всех песнях канона, начиная с самой первой, где повествуется о создании человека и его грехопадении, имеются тропари, полностью построенные на новозаветных откровениях, касающиеся законов новозаветной благодати. Уже в первой песни преподобного Андрея захватывает образ кающегося блудного сына (ст. 12), а также образ милостивого самарянина (ст. 16, 17)³⁵.

* * *

В предлагаемой работе Великий канон преподобного Андрея Критского рассматривается со стороны внешнего его построения и с точки зрения особенностей внутреннего содержания. Великая святоградская стихира, или Великий канон, при значительной обширности имеет вместе с тем отчетливо выраженную структуру.

Преподобный пастырь Критский начинает свое исповедание Богу как бы раздумьем над делами своей жизни и сразу же встает на путь спасительного покаяния и приношения Богу покаянных слез. Это раздумье излагается как от лица самого преподобного, так и от лица всех людей, обретающихся пред Богом в акте спасительного самовоззрения и самоанализа. Преподобный Андрей исходит из такого обращения к Богу, что в глубокой христианской любви своей как бы берет каждую душу человеческую, вместе с ней вздыхает о неправдах жития и вместе с ней шлет, просит выхода. «Откуда начну плакати океянного моего жития деяний», — слышим мы первые слова первого тропаря канона — вечером, в первый день Великого поста, — и мы ждем этих слов, глубоко вздыхаем вместе с преподобным творцом канона и вместе с ним уходим в глубину его размышлений. «...Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию, — продолжает преподобный, — но яко Благоутробен, даждь ми прегрешений оставление»³⁶.

Это — начало, как бы введение ко всему последующему произведению; еще один тропарь, приглашающий душу вместе с телесным составом человека исповедаться Богу, и преподобный Андрей начинает обзор библейских аналогий в соотношении их с состоянием человеческой души. Эти сказания Ветхого Завета в устах преподобного поэта раздумья над сущностью человеческих дел, они постепенно с большой глубиной состраданьем и любовью предносятся, предлагаются кающейся душе. Вникая в основу покаянных вздыханий преподобного отца, становится очевидным, что он не торжествует изложить библейскую историю, а коснувшись того или иного события, возвращается к нему позднее, чтобы сделать свое покаяние, свое раздумье над приро-

дой человека всесторонним, неспешным, подлинным. У профессора И. А. Карабинова могло создаться впечатление, что преподобный Андрей не всегда выдерживает порядок ветхозаветной истории³⁷. Преподобный же творец канона, в целом придерживаясь хронологии, находит необходимым вновь и вновь повторять внутренний урок того или иного уже изложенного факта. Так, уже в первой песни канона, сказав в начале о преступлении первозданного Адама (тропарь 3), он возвращается позднее (в тропаре 10) к мысли о создании человека Богом, чтобы, размышляя о величии человека, убедить, склонить его, падшего, к покаянию. «Брение Здатель живоиздава, вложил еси мне плоть и кости, и дыхание, и жизнь, — говорит преподобный, — но о, Творче мой и Избавителю мой и Судие, каюшася прими мя»³⁸. Кроме того, с первых же песней канона, там, где творцу его оказывается недостаточно только одних ветхозаветных подобий, он свободно обращается к словам и образам Новой Благодати и смягчает, умиряет свою исповедь новозаветными образами, чтобы позднее опять перейти к хронологии библейских событий. Таких новозаветных отступлений только в первой песни насчитывается до пяти—семи в отдельных тропарях. Этот факт также противоположен утверждениям некоторых исследователей Великого канона, считающих, что новозаветная часть его начинается только с девятой песни. Таким образом, для структуры основной части Великого канона характерны новозаветные обращения к Христу Спасителю на фоне сохранения основной оси ветхозаветной темы размышлений.

Отметим, что в построении Великого канона как единого целого преподобный Андрей, обращаясь вначале несколько раз к своей душе, возвращается к этому приему только после второго прмоса второй песни — и здесь это взывание к душе («душе, душе моя, многогрешная душе, душе окаянная») возрастает и учащается, сохраняясь на протяжении последующих песней³⁹. Одновременно, наряду с вопиянием к душе, нарастает и пафос внутреннего сокрушения, глубина покаянных воздыханий, которые, по нашему представлению, достигают своего наивысшего развития в седьмой песни канона. «Согреших, беззаконновах и отвергох заповедь Твою, яко во гресех произведохся и приложих язвам струны себе, но сам мя помилуй, яко Благоутробен, отец Боже». Это настроение звучит уже в первом тропаре седьмой песни, усиливаясь к ее окончанию⁴⁰. К концу канона покаянные взывания как бы облегчаются. Чаше появляются строки, повествующие о новозаветном времени. Эта мысль отчетливо выражена преподобным отцом в двенадцатом тропаре восьмой песни: «Ветхаго Завета вся приведох ти, душе, к подобию...». Еще более утвердительно высказывается он о том же во втором тропаре последней, девятой песни: «Моисеево приведох ти, душе, миробытие и от того все заветное писание...» Остальные тропари канона связаны уже только с событиями Нового Завета⁴¹.

Впрочем, в согласии с изложенной выше мыслью, что преподобный Андрей на протяжении всего Великого канона обращается к мыслям новозаветным в контексте основного ветхозаветного повествования, в 19-м тропаре 4-й песни читаем: «Чашу Церковь стяжа ребра Твоя живоносная, из нихже сугубая нам источи токни, оставления и разума, во образ древяного и новаго двоих вкупе Заветов, Спасе наш». Эти оба Завета содержит преподобный в своей душе на протяжении всего текста Великого канона — они необходимы ему для последовательного развития его богословия — об оставлении прегрешений и приобретении духовного разума⁴².

Завершается Великий канон мирным новозаветным настроением человеческого сердца, принесшего покаяние, — здесь снова исповедание милосердия Божия и духовной нищеты человека, который приносит ее как приятную жертву Богу. «Достойных покаяния плодов не истяжи от мене, — обращается к Господу преподобный Андрей, — ...сердце мне даруй присно сокрушенное, нищету же духовную, да сия Тебе принесу, яко приятную жертву, едина Спасе». Преподобный просит Христа призреть на него милостивным Его оком и ущедрить его «паче всякаго естества человека согрешивша» (последний тропарь девятой песни)⁴³.

Такова структура Великого канона, имеющего: а) вступление; б) развитие основной темы покаяния, достигающего своего кульминационного пункта; в) завершение, восходящее к новозаветным мыслям надежды и веры в Искупителя — Господа нашего Иисуса Христа.

* * *

Продолжая изучение Великого канона с его внешней, структурной стороны, представляется необходимым остановиться на стиле всего произведения, характеризуя как все произведение в целом, так и отдельные, наиболее присущие автору канона выражения, наиболее часто употребляемые. Выражаем согласие с утверждением Преподобного Филарета, называющего преподобного Андрея Критского поэтом

церковным. Большое значение имеет его мысль о том, что хотя тропари Великого канона писаны не стихами, а прозой... «но по тону своему они — самое высокое произведение поэзии»⁴⁴.

Действительно, тропари преподобного Андрея полны неизъяснимой духовной сладости по тому необычному сочетанию формы и смысла, внешнего и внутреннего образа, удивительно совпадающих и созвучных восприятию излагаемых преподобным Андреем законов духовной жизни. «Вместо Евы чувственная мысленная ми бысть Ева, во плоти страстный помысл, показуя сладкая и вкушаяй присно горькаго напоения», — изрекает преподобный поэт уже в первой песне канона, и этот образ свободно принимается сердцем, ведя его также свободно к жажде и необходимости покаяния⁴⁵.

Почти в том же размере и в том же состоянии духа преподобный Андрей показывает грех: «В ноши житие мое прендох присно; тма бо бысть и глубока мне мгла ночь греха; но яко дне сына, Спасе, покажи мя» (песнь пятая)⁴⁶. В душе подолгу живут (и ее животворят) отдельные строки тропарей, сохраняясь в благодарной памяти: «Яко миро, прими, Спасе, и моя слезы» (песнь вторая)⁴⁷. Иногда это — краткие образные новозаветные предложения, которые способны поднять, поддержать дух: «Ты еси, сладкий Иисусе, Ты еси Создателю мой, в Тебе, Спасе, оправдаюся» (песнь третья)⁴⁸. Или такие тонкие выражения, как медленное (по ритму) и печальное размышление преподобного Андрея: «Исчезоша дние мои, яко соние встающего» — и душа молит о продлении дней жизни, подобно Езекии. Этот образ проходящих дней, которые подобны сновидению пробуждающегося, являются очень глубоким, западающим в душу образом, который может поддвигать на все существо человека сильнее, чем громкие и грозные фразы о борьбе с грехом. «...Вся помрачися доброта, — говорит в другом месте преподобный, — и страстьми угасися, Спасе, свеща...» Свеча, угасшая от неправды, от греха человеческого! Какой тихий, почти безмолвный образ и вместе с тем образ, исполненный действительной силы: «...И страстьми угасися, Спасе, свеща». Так умеет преподобный Андрей привлекать душу к покаянию!⁴⁹

Иногда поэзия преподобного Андрея достигает особых высот, когда наряду с краткостью предложения, его образностью фраза полна глубочайшего внутреннего смысла. «Иже первее на престоле, наг ныне на гноище гноеи, — говорит святитель Андрей о праведном Иове, — многий в чадах и славный, безчаден и бездомок на престо; палату убо гноище и бисерие струпы вмешаше»⁵⁰. Не только в дни Великого поста, когда читаются эти пророческие слова преподобного Андрея, но и в различные периоды жизни, когда для человека наступают мрачные дни, как спасительно вспомнить, что, находясь в духе и перенося скорби, можно дойти до такого состояния, когда ты способен принимать свое гноящееся ложе за палату, а струпы тела за драгоценные камни! Кто способен подняться до такого состояния? Но преподобный Андрей уверяет нас, что подобное состояние возможно. И как кратко выразил это состояние пастырь Критский — всего несколькими словами: «...палату убо гноище и бисерие струпы вмешаше». Достаточно коснуться наиболее изумительных и сильных образов в каноне преподобного Андрея. Приведем еще только один тропарь, который хорошо знали подвижники Русской Церкви и сохраняли в своей памяти. «Рука нас Моисеева да уверит, душе, — гласит этот тропарь, — како может Бог прокаженное житие убелити и очистити, и не отчайся себе, аще и прокаженна еси». Здесь дана краткая библейская история о чудесах пророка Моисея, но это древнее чудо сведено к чуду животворного покаяния — и с какой заботливостью, даже нежностью поддерживает преподобный Андрей кающуюся душу, как предостерегает ее от злого отчаяния. «...И не отчайся себе, аще и прокаженна еси»⁵¹.

Исследование Великого канона показывает, каким сокровищем высокой поэзии обладает Святая Церковь, на каком твердом и славном основании покоится здание ее Божественной службы, какие гениальные строки вложены в ее присноживопитание души человеческой! Все творения преподобного Андрея Критского и особенно его Великий канон есть высокое и безусловное произведение человеческого духа. Слова преподобного Андрея — те же, что слова величайших писателей мира, и они воспринимаются душой спокойно и мирно, содейвают ее терпеливой и зрячей, одновременно и поставляют ее пред Создателем всяческих, Который есть Любовь, Который беседует с душой человеческой образом драгоценных камней страждущего Иова, знаком свечи, образом изливающих мира и слез.

В творениях преподобного Андрея все исследователи Литургики минувших веков отмечают этот естественный, мирный ход мысли, свободу выражения сложных состояний внутренней жизни при большой сладкозвучности самой речи. В славянском переводе, который является совершенным подобием исходного греческого текста, эта

своеобразность слова и слога особенно хорошо передается и сохраняется. Следует отметить, что все исследователи песнопений греческой Церкви отмечают эту свободу в построении фраз и легкость восприятия слога преподобного Андрея, чего нельзя сказать о более поздних песнописцах церковных, когда при написании канонов стихами с наличием акrostихов имело место искусственное построение фраз, иногда весьма затруднительное для понимания.

В Великом каноне преподобного Андрея содержатся некоторые часто встречающиеся выражения и образы. Так, чаще других преподобный употребляет слова: «милостивый», «милосердный», обращаясь к Иисусу Христу. «Вонми ми, Боже, Спасе мой, милостивым Твоим оком...»⁵² или «...вем, яко Человеколюбец еси: наказуеши милостивно и милосердствуеши тепле, слезяща зриши и притекаеши, яко Отец, призывая блудного»⁵³. Часто преподобный отец говорит и об умилении, в которое душу человека вводят приводимые им указания писаний⁵⁴.

Памятен преподобному Андрею образ евангельской драхмы, встречающийся в различных песнях канона: «...юже, яко иногда драхму, взыскав, обрящи», — говорит он во второй песни. Составителю канона дорого обретение погибшей драхмы — кающейся души человека⁵⁵. «Аз есмь, Спасе, юже погубил еси древле Царскую драхму...» (шестая песнь), «но вжег светильник Прдетечу Твоего, Слове, взыши и обрящи твой образ»⁵⁶. Погибшая драхма — извечный образ Божий в человеке. Также дорог преподобному поэту образ белизны снега: «...Омый, очисти, покажи, Спасе мой, паче снега чистейша» (песнь четвертая)⁵⁷, «омый мя, Владыко, банею моих слез, молю Тя, плоти моея одежду убелив, яко снег» (песнь пятая)⁵⁸.

Таковы краткие замечания относительно стиля великого произведения преподобного Андрея Критского.

* * *

Несомненно, наряду с внешними достоинствами труда преподобного Андрея Критского, основную ценность представляют внутренние качества этого произведения — руководство к внутреннему возрождению душ человеческих.

Прежде всего тщательно рассмотрим в то основное, на что направлены мысли подвижника-инока — преподобного составителя канона — внутреннюю духовную жизнь. Духовное руководство и жизнь в духе есть, по известному выражению, «наука из наук и художество из художеств». И мы замечаем, что преподобный пастырь Критский ведет душу человека к этой науке и художеству с присущей ему последовательностью и искренностью. Он не хочет отпугнуть душу, которая несет на себе печать и язвы греха, а тонко раскрывает несчастье греха и убеждает в том, как прекрасна жизнь в Боге, какое великое милосердие ожидает душу, возжелавшую Бога, но одновременно и не скрывает, что путь этот — деятельное и совершенное покаяние.

Преподобный Андрей вначале только свидетельствует о состоянии души, удалившейся от Бога, и спокойно объясняет, чего она лишается. «Авелеве, Иисусе, не уподобихся правде, дара Тебе приятна не принесох когда, ни деяния Божественного, ни жертвы чистая, ни жития непорочного»⁵⁹. Это утверждение — только указание на то, чего лишился человек, только желание показать лучшее состояние души, если у нее есть и дар приятен, и жертва чистая, и непорочное житие. Здесь еще нет покаянного возгласа: душу надо привлечь к красоте Божественной жизни, не запугать, не удалить ее. Далее преподобный развивает мысль о том, что Господь не войдет в суд с кающейся душой, не взвесит все ее неправды, но, «презирая лютаая», спасет человеческую душу (песнь 1-я)⁶⁰. И только когда душа доверится ведущему ее добру и милостивому пастырю, преподобный Андрей со всей откровенностью приступает к обнаружению язв духовных — к покаянию, которое воистину соделывается Таинством. «Узвяхся, уранихся, — произносит преподобный песнописец вместе с душой, которую взял на свои плечи, — се стрелы вражия, узвившыя мою душу и тело, се струни, гноения и омрачения вопиют раны самовольных моих страстей» (песнь 2-я)⁶¹. Покаянное настроение возрастает. Преподобный вместе с кающейся душой говорит, что он сам — тот человек, который более всех грешен «несть... иже согреши в человецех, егоже не превзыдох прегрешеньми» (песнь 3-я)⁶². Душе показывается возможность спастись от содомского греха «горé в Сигор...»⁶³. Слышим уже подлинные покаянные вопли, человек введен, он входит в благодать покаяния. «Отсюду осужден бых, — свидетельствует преподобный Андрей, — отсюду и препрен бых аз окаянный от своя совести, и избави, и спаси мя, раба Твоего»⁶⁴. Преподобный пастырь Критский восходит к общечеловеческому понятию греха, он говорит о суде

совести, которая строже всего (нужнейше) в мире и исторгает у кающегося сознательный глубокий голос покаяния — «пощади... избави... спаси».

Преподобный песнописец воздействует на душу согласно закону Христову, заповедям Спасителя, которые были открыты человеку в Нагорной проповеди, где первой заповедью названо смирение сердца, нищета духа — «блаженни нищии духом». Только приведя душу человека к состоянию этой блаженной нищеты, преподобный Андрей может вести ее дальше по лестнице добродетелей Евангельских.

В наших отечественных аскетических произведениях учению о Евангельских добродетелях большое внимание уделял Преосвященный епископ Игнатий Брянчанинов. «Нищета духа, — пишет епископ Игнатий, — блаженство первое в евангельском порядке, первое в порядке духовного преуспеяния, первое состояние духовное, первая ступень в лестнице блаженств». «Нищета духа, — поясняет святитель, — соль для всех духовных жертв и всеожжений. Если они не осолены этой солью, — Бог отвергает их. Такое состояние, — заключает Преосвященный Игнатий, — дар благодати, действительная благодать, ее плод, а потому и блаженство»⁶⁵.

Итак, нищета духа, смирение сердца есть первая Евангельская заповедь Христова, но она содержит в себе и все последующие добродетели. «Блаженни нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное» (Мф. 5, 3). К этому состоянию и ведет своим покаянным канонам преподобный Андрей, ведет, показывая шаг за шагом — каким должно быть покаяние. Он становится, вместе с другими преподобными отцами, учителем спасительного подвига покаяния. «Дванадцать патриархов великий в патриарсах детотворив, — говорит он о ступенях последующих добродетелей, — тайно утверди тебе лестницу деятельного, душе моя, восхождения, дети яко основания, ступени яко восхождения, премудренно подложив»⁶⁶. Постепенно покаянное настроение возрастает, преподобный Андрей говорит о «скотских похотях» человека, «тяжчайших делах», о его «страстных и любострастных стремлениях»⁶⁷, но одновременно все больше и больше в покаянные строки канона проникают звуки Нового Завета и покаяние человека облекается духовными размышлениями⁶⁸. «Силоам да будут ми слезы моя, Владыко, Господи, — взывает преподобный, — да умью и аз зеницы сердца и вижду Тя умно, Света пречена»⁶⁹. Какая милость во всем тропаре, и как чудесно выразил преподобный Андрей мысль о «зеницах сердца» — очах сердца, глазах его!

Опять спокойно звучат строки канона и просыпаются в душу мирные размеренные звуки, когда слышим слова: «Тайная сердца моего исповедах Тебе, Судии моему; виждь мое смирение, виждь и скорбь мою, и во дни суду моему ныне, и Сам мя помилуй, яко Благоутробен, отец Боже»⁷⁰. Человек уже вошел в делание покаяния, открыл Богу свое глубоко скрытое состояние, сам произнес суд над собою и теперь, после напряженного духовного труда, ждет помилования от Милосердного Бога. И снова, теперь уже с некоей надеждой, вздыхает душа, очищает себя от последних терний и взывает: «Пощади, Спасе, Твое создание, и зыщи яко Пастырь погнбшее, предвари заблудшего, восхити от волка, сотвори мя овца на пастве Твоих овец»⁷¹. В этом тропаре — уже новозаветные образы. Ветхий Завет отошел, человек стал лицом к лицу перед Спасителем своим, он просит войти в паству Доброго Пастыря, стать Его спасенным новозаветным овчатом. Вот еще один образ — святой Иоанн Предтеча. «Горлица пустыннолюбая, глас вопиющего возгласи, Христов светильник, проповедауй покаяние...» Преподобный восхваляет святого Иоанна Крестителя как светильника покаяния, и завершает мысль тем, что тоже проповедует покаяние, ту добродетель, то чудо и Таинство, которое чрез святых открыто человечеству Богом: «...Зри, душе моя, — оканчивается содержание тропаря, — да не увязнеши в беззаконные сети, но облобызай покаяние»⁷².

Великий канон оканчивается, еще несколько стихов и труд завершен, преподобный Андрей изложил исповедь своей жизни, введя и всех христиан в сладость исповеди и покаяния перед Богом. В самом конце своего произведения преподобный только вспоминает благодарного разбойника: «...но, о Благоутробне, яко верному разбойнику Твоему, познавшему Тя Бога, и мне отвержи дверь славного Царствия Твоего»⁷³. Так преподобный сравнивает себя с разбойником, получившим прощение грехов в одночасье.

Человек, вникающий в уроки преподобного Андрея, узнает начертанный ему путь спасения. Не призрачный, гордый, восхищающий явления внутреннего мира, а путь очищения своей души, покаяния, отвержения и сознания своих неправд. Таким путем человек, утвердивший ноги свои на ступени покаяния, может беспрепятственно двинуться и дальше по ступеням духовного восхождения. Но даже и оставаясь на первой ступени, он не теряет ничего и имеет уже все Царство. Таково действительное покаяние, которое становится подлинным Таинством человеческой жизни, с помощью которого человек приобретает непамятное смирение. Вот к этому состоянию покая-

ния, пишется духовной и смирения ведет неуклонным путем исповедь преподобного Андрея, начертанная в его Великом каноне.

Заканчивая обзор этого произведения святителя Андрея Критского, отметим, что из всех строк великой сятоградской стихирь истекает указание пути к Богу, пути к любви Божией, которую обретает сердце кающегося. Любви, внушенной любящим и смиренным сердцем Критского пастыря, увенчанной тонким и духовным словом его, осознанной и утвержденной в нашем восприятии мира и жизни.

* * *

К идее великого труда преподобного Андрея, в котором собраны и пережиты все образы покаяния, близко тяготеют его сочинения, связанные с днями Святой Четырнадцатницы и, следовательно, также сосредоточенные на подвиге покаяния. К ним относятся: Канон в среду Сырной седмицы и Канон на Воскрешение Лазаря, положенный на повечерии пятка Недели Ваий, а также собрание трипеснцев на четыре первые дня Страстной седмицы и трипеснец на повечерии праздника Входа Господня во Иерусалим. Трипесницы предназначены для чтения на повечерии, поэтому мало известны молящимся в храме, так как часто опускаются. Все они обладают большими достоинствами. Профессор И. А. Карабинов в исследовании Постной Троицы указывает, что само название Троиды получила от этих трипеснцев преподобного Андрея, которые по времени их написания являются самыми ранними (по сравнению с трипесницами преподобных Феодора и Иосифа Студитов)⁷⁴.

Канон среды Сырной седмицы очень близок по форме и духу Великому канону. Здесь так же имеются многочисленные упоминания имен ветхозаветных праведников: Авраама, Моисея, Ионы, Даниила, Иосифа и других — и так же, как и в Великом каноне, преподобный пастырь Критский воспевает покаяние. «Молитвами и пощением Избавителя умолим, спрадуется бо Создатель покаянию созданий Своих»⁷⁵. Здесь выражено то сокровенное чувство святого гимнографа, которое он так широко и в различных образах передавал в Великом каноне, — покаяние созданий Божиих — основа для их спасения, подлинной духовной жизни, правильного, неопределяемого пути к Богу.

В каноне на Воскрешение праведного Лазаря проявляется во всей силе и разнообразии поэтическое дарование преподобного Андрея. В нем изложено Евангельское повествование: «...Иисус повелев, абие воскреси ты, возгласи тебе: Лазарь, востани, гряди ко Мне...» Последнее выражение «гряди ко Мне» показывает, какой живой и глубокой верой обладал преподобный песнописец, выражая внутреннюю связь Создателя со Своим созданием⁷⁶. Приводятся и слова самого Лазаря, который из глубины своего исповедания Христа и веры в Него повествует о том, что Христос вдохнул в него жизнь, что он увидел Его свет. Последнее исповедание «воздвигл мя еси мертва повелением Твоим» повторяется Лазарем многократно, и речь воскресенного мертвеца достигает сердца молящихся⁷⁷. В этом удивительном каноне мы слышим не только голос Создателя и воскресенного из мертвых Лазаря — здесь говорит и сам ад. «Молю тя, Лазарь, ад рече, востани, изыди от заклепов моих...», — сказано в одном из тропарей. «О, что косниши, Лазаре; глаголет, гряди вон, зовет стоя Друг твой...» читаем далее, — что не встанеши, Лазаре, скоро, воззва из долу ад рыдая...»⁷⁸. А в заключение преподобный запечатлевает основное — Вифанию, ибо в ней прослезился Создатель. «Да поет чудо Вифаня с нами, — пишет преподобный Андрей. — в ней бо прослезися Создатель...»⁷⁹.

В этом каноне не опущена вторая песнь, количество тропарей значительно и число их вместе с ирмосами составляет 70, что в два с лишним раза превосходит число тропарей и ирмосов в канонах преподобных Космы Маумского и Иоанна Дамаскина на великие праздники. Исследователи творчества преподобного Андрея Критского видят причину того, что каноны его были позднее заменены творениями более поздних песнописцев, именно в пространности его произведений. Возможно, что по той же причине и трипесницы преподобного Андрея положены на повечериях. Несомненно, это явление не может быть не признано достойным сожаления, так как одухотворенность произведений преподобного Андрея Критского очевидна. В обителях, где устав Богослужения сохраняется полностью, читающие эти трипесницы и молящиеся на повечериях могут испытать на себе то сильное молитвенное влияние, которое оказывают эти произведения святого Андрея.

Как указывалось выше, от трипеснцев преподобного Андрея произошло название Троицы Постной. Нам представляется необходимым остановиться на тех тропарях трипеснцев, где проявляются наиболее характерные, отмеченные уже ранее, особенности творчества преподобного Андрея Критского. Это его большие идеи (и большая молитва) о значении великих дней Страстной седмицы в деле спасения человека

подвигом Христовым. Так, в трипеснице на повечерин в Неделю Ванй преподобный Андрей, говоря о смоковнице, которая упоминается в тексте, размышляет обо всем человечестве: «Преходя житейская шествия, Спасе мой, взалкал еси волею, спасения всех желая: сего бо взалкал еси обращения от Тебе удаленных»⁸⁰. Высказанная святителем Андреем мысль о спасении «удаленных» от Христа вновь повторяется несколько позже: «Взалка человеческого спасения, Хлеб сый жизни, Христос и Бог мой...»⁸¹. Господь «взалкал» нашего спасения — это образное выражение сущности подвига Христова не умирает в веках, оно живо и сегодня. И преподобный святитель выражает свое исповедание о пришествии Христовом на страдание для спасения людей: «...принде кроткий и молчаливый на страсть, Агнец сый и Пастырь наш. Христос...» (там же). Кажется, лучше невозможно выразить всей глубины служения Христову. Но, по мысли святителя, для того, чтобы быть вместе со Христом, мы должны быть готовы к страданию. «...Готови будем,— пишет преподобный Андрей,— на оплевание, на поругания, и на уничтожения, яко да пречистыми Его страстьми спрославимся вернии»⁸². Вот достоинства христианского подвига даже до его дня!

В трипеснице Великого понедельника, в связи с чтением в грядущий день Евангелия о эсхатологическом дне, преподобный говорит и о веке седьмом (песнь восьмая) и о вечном Царстве Христовом (там же). «Кто времена положи,— восклицает преподобный Андрей,— Кто веки соблюдаяя, Кто вся определяяя и созвездываяя — разве Безначальный присно сый со Отцем, яко заря во свете»⁸³. Заря во свете! Какой образ нашел преподобный поэт, чтобы изобразить содержание Символа православной веры: «Света от Света»? Этот образ могла внушить преподобному только любовь ко Христу: чистая, непамятная, струившаяся в сердце архиепископа Критского! Именно эта любовь ко Христу позволяет преподобному и в следующем его трипеснице (во святой и великий вторник) сказать: «...Темже стяжи к Богу готово сердце»⁸⁴.

Трипесницы на повечериях Великих среды и четверга отображают содержание дней, однако с наибольшим вниманием преподобный Андрей останавливается в них на Таинстве Тела и Крови Христовых. «...Блажен есть, иже может верно прияти Господа,— восклицает пастырь Критский,— горницу убо сердце предуготовав, и вечерю благочестие»⁸⁵. Вспомня ветхозаветную пасху, преподобный Андрей свидетельствует о смысле Пасхи Христовой: «...бысть же Пасха тайная и живожертвенная»⁸⁶. И далее святитель Андрей раскрывает мысль о Таинстве Евхаристии, о значении горницы, в которой это Таинство установлено. «Сень небесная явися горница, идеже Пасху Христос соверши,— богословствует преподобный,— вечера бескровная, и словесная служба, трапеза же тамо совершенных таин, мысленный жертвенник»⁸⁷.

Таково богословие трипеснцев преподобного Андрея Критского, в которых наряду с изложением событий, происходивших в последние дни земной жизни Спасителя, раскрываются глубокие христианские истины и слово преподобного пастыря Критского направлено на то, чтобы сообщить людям церковным подлинный, смиренный и одновременно возвышенный путь к спасению.

* * *

Из произведений пасхального цикла сохранились только два труда преподобного Андрея Критского: Канон в Неделю жен-мироносиц и Канон на Преполовение Пятидесятницы, в которых открываются высокие достоинства этих произведений.

Канон женам-мироносицам имеет ту же значительную протяженность, что и Канон на Воскрешение Лазаря. В нем расширенно повествуется о событиях Воскрешения Христова, но уже в первой песни преподобный Андрей останавливается на идее, которая ему особенно полюбилась и близка: исповедание Христа Богом и Спасителем мира и одновременно славословие Его. Эта мысль повторяется почти в каждом тропаре. «Ты Бог наш, и прославляем Тя»⁸⁸, — печатлеет преподобный пастырь Критский окончание тропарей, подробно излагающих подвиг Христова страдания и восстания из мертвых. «Аще и вкусил еси желчи, сладосте церковная,— обращается преподобный Андрей ко Христу,— но источил еси нам нетление от ребр Твоих: Ты Бог наш, и прославляем Тя» (там же).

Самих жен-мироносиц, в честь которых создан этот канон, преподобный Андрей упоминает кратко только в конце первой и третьей песен, будучи духом отдан воспеванию подвига Христова и Его Воскрешения. Наиболее замечательной представляется песнь четвертая этого канона, в которой наряду с изложением Евангельских событий страданий и Воскрешения Христовых исторгается молитва живой души человеческой с призывом о помиловании, о даровании чуда. «На Кресте пригвоздивый мою древнюю клятву и источникный мне, Спасе, благословение от ребр Твоих, разреши узы многих моих согрешений: можши бо, елика хошеши, творити»⁸⁹. Этому заклю-

чительному прошению преподобный Андрей воистину усвоет очень большое значение, так как в тропарях четвертой песни оно повторяется пять раз, только однажды с видоизменением: «может бо, елика хочет, творити».

Преподобный Андрей в последующих песнях канона прославляет святых жемироносиц и благообразного Иосифа с Никодимом. Раскрывая Евангельское сказание, он обращается к мироносицам, предлагая им оставить слезы: «Да престанут ваши слезы, прешедшия на радость»⁹⁰.

Но основным и центральным остается для него воспевание непостижимого чуда Воскресения Христова. Возвращаясь к этой центральной идее, преподобный песнописец вопрошает: «Кто иссушивый смоковницу, Кто же сухую исцеливый руку... Кто просветивый слепцы, и прокаженных очистивый... Кто воздвигнувый мертвца четверодневна из гроба, и вдовича сына...» На эти вопросы у преподобного один ответ: кто же, «...аще не Христос Бог, мертвцыя воздвигнувый»⁹¹. Это восклицание верующего сердца повторяется в каноне несколько раз. Канон завершается эксапостилярием, в котором содержится непреходящая мысль. Христос, обращаясь к мироносицам, посылает их к апостолам: «...Тещите, другом рыцте Моим, благовестия: хошу бо созданные Свое радостно озарити, отонудуже прииде печаль»⁹².

Канон на Преполовение Пятидесятницы поставлен в Триоди Цветной вторым, после канона преподобного Феофана. Вероятно, это было осуществлено уже позднее, в девятом веке, когда многие каноны преподобного Андрея Критского сокращались или перемещались. Однако и этот канон преподобного пастыря Критского имеет много достоинств и обладает замечательными свидетельствами его богословствования.

Канон посвящен христианскому празднику, в котором воспоминается Христос, учивший в святилище о своем Божественном посланничестве в преполовение дней праздника (Кушей). Уже в первых тропарях первой песни преподобный песнописец уверяет нас в том, что Христос — Божественный Посланник, что «Сей есть Бог наш, давший жизнь верующим во имя Его»⁹³. Это выражение изменяется в одном из тропарей, но мысль остается: «Ты еси Спас Бог наш, давший живот верующим во имя Твое» (там же). Исповедание Христа, как Источника вечной жизни, не повторяется много раз, подобно тому, как это свойственно другим канонам преподобного Андрея. В связи с идеей праздника святитель Критский сосредотачивает внимание на другом образе — приснотекущей струе. Праздник Преполовения связан в Православной Церкви с освящением воды, которое (по примеру Церкви ветхозаветной) есть образное выражение струй духовных. Об этих источниках воды живой говорит Христос на празднике Кушей, указывая, что Он есть источник истинной воды жизни. Поэтому в произведении преподобного Андрея Христос есть «Струя приснотекущая». «Струя приснотекущая сый, Господи, жизни истинная, — пишет он, — Ты еси Воскресение наше...» (там же). И потом говорится о таинственном значении воды. В каноне Преполовения упоминается и ослабленный, и самарянина, события, связанные с образом воды, и сама вода «в вино прешедшая» (там же), но основным для преподобного Андрея является образ Христа, таинственного Источника и приснотекущей Струи, источающей вечную жизнь и всем верующим дающего «жизнь во имя Его» (там же).

Преподобного песнописца привлекают также и слова Христа, которые Он говорит во святилище в день Преполовения. Это изречение о внутренней жизни человека, о том, что суд о других должен быть судом нелицеприятным. С этих слов и начинается третья песнь канона: «Не иже на лице суд судите, иудее, уча, глаголаше Владыка, егда прииде во святилище, якоже писано есть, преполовившуся законуному празднику»⁹⁴. Эти слова повторяются и впоследствии, но мысль несколько видоизменена: «Не судите на лице, человецы⁹⁵, — пишет преподобный, — не судите на лице, но праведен суд судите»⁹⁶.

Вряд ли необходимо пояснять эту мысль, как одну из основных. Она показывает, что, глядяываясь в окружающий мир своим любовным оком, преподобный пастырь Критский желал всем спасения во Христе, не смотрел на внешнее положение человека, не судил на лице, но жаждал для всех полноты духовной жизни в Источнике приснотекущем. Не случайно он писал и в своих великопостных строках, что Господь ищет для всех спасения: «...взалкал еси обращения от Тебе удаленных», «взалкал еси волею, спасения всех желая».

Образ воды, источника, струй очень близок преподобному Андрею, и поэтому в каноне содержится значительные слова, обращенные Христом к самарянке: «...водь просил еси, воду жизни, Иисусе, возвещай»⁹⁷. И далее следует гимн таинственному образу воды: «Воду живую истекающую, воду безсмертия, источник приснотекущий подати обещал еси, верую Дух Твой приемлющим, Спасе, от Отца происходящий» (там же).

Поэт и богослов встречаются здесь, в содержании тропарей этого канона, отсюда и радость в восприятии истин богословия. Известно, что в Таинстве Евхаристии Святая Православная Церковь усвоет празднику Преполовления причащен: «Ядый Мою Плоть, и пийй Мою Кровь, во Мне пребывает и аз в нем...» Преподобный Андрей пишет, после слов о воде живой, следующее: «Ядый Тело Твое, жив будет во веки, и пийй Кровь Твою, в Тебе пребудет, Спасе мой, и Ты в нем пребываеши, и воскресиши его в последнее мгновение» (там же). Так богословствует преподобный Андрей Критский в святые дни Пасхи и Преполовления Пятидесятницы. Канон завершается смиренным обращением ко всепачительному покаянию: «...изсохшую древле землю моего сердца, — пишет преподобный архиепископ Критский, — исцелив, Слове, покажи мя плодоносна, да соделаю и аз, Спасе, плоды в покаянии тепле»⁹⁸. Все было живым у преподобного Андрея — и богословие, и любовь ко Христу, его деятельная и смиренная любовь к человеку. Потому живым и *теплым* было для него и покаяние.

* * *

Анализ прочих канонов преподобного Андрея Критского может быть в основном сведен к тем положениям, которые уже намечены в приведенном выше разборе его основных творений.

Канонам этим (число их относительно невелико) присущи в целом те характерные особенности, которые содержатся и в Великом каноне, и великопостных трипесницах. Так, преподобный Андрей часто вводит в текст имена подвижников Ветхого Завета. В каноне на Рождество Пресвятой Богородицы упоминаются и Адам, и патриарх Иаков, и пророк Давид, и другие праотцы. В каноне на Рождество Иоанна Предтечи представлен старец Захария, а в каноне праздника Зачатия во многих песнях восхваляется праведная Анна. Согласно тому, что отмечалось выше, очень часто святой, которому посвящен канон, беседует с Богом. Этим приемом часто пользуется преподобный Андрей Критский. Так, святой священномученик Игнатий Богоносец (память 20 декабря) беседует с Богом⁹⁹, праведная Анна также открывается Господу¹⁰⁰, в каноне на Рождество Иоанна Предтечи творец канона приводит речь Захарии и архангела Гавриила¹⁰¹.

Преподобный песнопевец, как и в других произведениях, нередко повторяет основную мысль, наиболее важную для понимания празднуемого события. Он многократно восхваляет Предтечу, как проповедника покаяния. В каноне на Рождество Пресвятой Богородицы изложена и часто повторяется сущность праздника: «...Ты, давший, Господи, от неплодного корене прозябнути Анны святая пречист плод и родити Богородицу»¹⁰². А несколько позже та же мысль излагается еще более подробно: «...Ты, неплодную землю благодонну показавый, Ты, древле сухую родовиту, благокласну бразду плодоносну соделал еси Анну святую, пречист плод израстити Богородицу» (там же).

В каноне священномученику Игнатию Богоносцу преподобный Андрей неоднократно обращается к образу воды. Так, воспевая подвиг священномученика, он говорит: «...воду имел еси... живущую и глаголющую...»¹⁰³. В песни седьмой этот образ восходит к понятию бессмертия: «...воду же живую паче и глаголющую, воду зовущую: гряди ко Отцу; воду текущую, от жизни в жизнь преводящую нас» (там же).

В этом же каноне преподобный Андрей глубоко выникает и в понятия «пшеница» и «хлеб», соотнося их с писаниями самого священномученика Игнатия (там же). Образ епископа и мученика Христова Игнатия, скончавшегося в начале второго века, очень близок святителю Андрею, жившему значительно позже. Поэтому для более точного выражения святительского подвига священномученика Игнатия пастыр Критский приводит слова святого апостола Павла: «Таков нам подобаше мудр архиерей, преподобен, верен, несквернен, незлобив, вопия Павел, преднаписа священный образ священных твоих нравов» (там же).

Канон святым мученикам Маккавеям в славянской Минее не обозначен именем преподобного Андрея Критского. Надписание его имени в канонах и стихирах дается иногда как «Иерусалимлянин», иногда как «Критский». В связи с тем, что в небольшом числе произведений церковной письменности имеется указание на творчество «Андрея Пирра», возникает вопрос: является ли последний одним и тем же лицом с Андреем Иерусалимлянином или Критским? Преосвященный Филарет склонен признать, что это один автор — архиепископ Критский Андрей¹⁰⁴, профессор И. А. Карабинов высказывает противоположное мнение¹⁰⁵. Несомненно, это разногласие требует дальнейших углубленных изучений, тем более, что имеются отдельные тексты, где в разных песнях церковных указываются имена и Андрея Пирра, и преподобного Андрея Критского. Так, например, стихиры на Сретение Господне подписаны именами

Андрея Пирра и Андрея Иерусалимского¹⁰⁶. То же встречаем и в день празднования святым апостолам Петру и Павлу¹⁰⁷. Стихира в день памяти священномученика Игнатия Богоносца, по мнению архиепископа Филарета принадлежащая святому Андрею Критскому, надписана в Минее именем Андрея Пирра¹⁰⁸. В связи с изложением мы не считаем возможным детально останавливаться на анализе стихир, относящихся к имени преподобного Андрея Критского, поскольку основные направления его творчества сформулированы при изучении его канонов и трипеснцев. В заключение постараемся восстановить целостный облик великого песнописца.

Личность преподобного Андрея, архиепископа Критского, представляется многогранной. Прежде всего следует сказать, что преподобный пастырь Критский должен быть признан одним из родоначальников церковных песнотворцев. Согласно мнению компетентных современных исследователей, преподобного Андрея следует признать и родоначальником службы Великого поста — Троицы Постной, поскольку им первым положены трипесницы на отдельные дни Страстной седмицы и другие события днй Святой Четырнадцатницы, отсюда идет и название самой Богослужебной книги — Троицы, что означает «трипесницы», «собрание трипеснцев».

При анализе произведений преподобного песнописца становится очевидным, что он был основательно знаком и с текстами Священного Писания, и с трудами святых отцов, поэтому мог свободно и глубоко отображать усвоенный духовный опыт и знание в содержании своих произведений. Знания эти были приобретены им еще в ранней юности, в бытность его иноком Иерусалимской обители святого Саввы. Преподобный Андрей был не только образованным иноком и родоначальником песнопевцев. Он был также и вдохновенным поэтом, который излагал в своем спокойном, но всегда незаурядном слове глубокое переживания христианина и мыслителя. Много сказано о канонах преподобного Андрея, как произведений поэтических, в его службе: «Вострубив ясно божественныя сладкопения, — говорится в кондаке преподобному, — явился еси светильник мира светлейший». «...Богодухновен орган Утешителя показался еси, пение нам воспев спасительное», — свидетельствуется в первой стихире на «Господи, возвах»¹⁰⁹. Повествуется в службе святителю Андрею о «чистоте его нрава и простоте сердца», о «красоте и светлости его учений», о том, что он является «столпом Православия, образом целомудрия и начертанием красоты» и, основное, «Божественным песнописцем, просвещающим Христову Церковь» (там же).

Знаменательно, что в седальне преподобному указывается, что он был «священным священнодейственным, яко камением словесы ...украшившим церковный венец» (там же). Это очень точное определение, ибо его творчество составляет неоскудеваемое сокровище Христовой Церкви.

Святитель Андрей был замечательным учителем и проповедником покаяния. В Великом покаянном каноне для расположения человеческой души к самовоззрению, самоанализу он использует всю опытность, все данные своего духа, все силы своего незаурядного слова, чтобы направить человека к этому первому и главному подвигу его жизни — покаянию, первой и главной добродетели Евангельской. Творец Великого канона не отделяет себя от всего человечества, не ставит себя над прочими людьми, а вместе с ними обращается к Создателю, открывает перед Ним свое сердце и обнажает язвы. В этом и заключается вечное, непреходящее значение Великого канона Андрея Критского. Может быть, ничто из всей церковной письменности так непосредственно не действует на человеческую душу, как Великий канон, обнажающий всю неправду, все зло человека. Покаянные строки канона отнюдь не содержат безысходности. В них везде — жажда покаяния, искреннего обращения к Богу.

Преподобный Андрей, имея живую веру и любовь ко Христу, был и подлинным богословом, воспевающим в чистоте своих созерцаний спасительные догматы Святой Церкви. Преподобному пастырю Критскому особенно близок догмат о двух естествах Господа нашего Иисуса Христа. Приятне плоти человеческой Господом нашим указывает на единственный путь спасения человека — во Христе. Может быть, больше, чем другие богословы, святитель Критский говорит о том, как ищет, как жаждет Господь спасения человека, не только Ему близких, но и далеких, «удаленных» от Него. Богословствует преподобный Андрей и о тайне Святой Троицы, о предвечном рождении Сына от Отца, указывая, что Сын является «Безначальным, присно сущим со Отцем, яко заря во свете»¹¹⁰.

Особые строки посвящает преподобный отец богословию образа. В Великом каноне он отчетливо говорит о различии понятий образа и подобия. В связи с догматом воплощения Христова в каноне даются эти понятия применительно к человеку. Богословие преподобного Андрея является, таким образом, возникающим из строк его творений как живое слагаемое всего, что он осмысливает — в дни ли Великой Четы-

редесятницы, в дни ли Пасхи или Преполовления Пятидесятницы, в праздник святым, где также развиваются отдельные истины животворного учения Христова.

Известно, что Преосвященный Филарет относил к богословским произведениям святого Андрея Критского следующие произведения: а) трипеснцы, б) каноны Великой Четырдесятницы и Святой Пасхи (каноны на Воскрешение Лазаря, в Неделю жен-мироносиц, Преполование Пятидесятницы и др.), в) стихиры на двенадцатые праздники. Это в значительной степени подтверждает большое значение трудов преподобного пастыря Критского для Литургического Богословия. Все произведения его и особенно покаянный канон есть великое училище благочестия и богословия, есть деятельное обучение чад церковных, членов Церкви Христовой спасительным догматам святой веры христианской.

Следует также признать в пастыре Критском учителя внутренней духовной жизни. Действительно, взывая к человеку и его совести, преподобный отец обращается к необходимости покаяния и искоренения греха. Покаяние и смирение сердца есть первая и необходимая ступень в шествии человека к Богу. Преподобный отец предлагает лестницу добродетелей, по которой восходит человек в труде над своим сердцем. Это делание духовное и есть то необходимое состояние, которое предшествует видению человека — пределу внутренней жизни. Путь, начертанный преподобным Андреем для многих, усвоен и ему творцом канона в день его памяти 4 июля. В тексте канона читаем: «Деянием видения восход показав, мудре, и видением объемся, жития образом, Андрее богогласе, уподобился еси».

Таково непререкаемое значение произведений преподобного Андрея Критского, созданных на заре церковного песнотворчества, и их место в деле спасения человеческих душ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Милов (епископ Веннамин). Чтения по Литургическому Богословию. Брюссель, 1977.
- ² Карабинов И. А. Постная Триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910, с. 77.
- ³ Филарет, архиепископ Черниговский и Нежинский. Историческое учение об отцах Церкви. Ч. 3. СПб., 1882, с. 151.
- ⁴ Димитрий, святитель Ростовский. Четин-Минен. Месяц июль, 4-е. М., Спб. тип., 1880.
- ⁵ Булгаков С., протоперей, Месяцеслов и Триоднон Православной Церкви. Вып. 3 и 4. Харьков, 1897, с. 4.
- ⁶ Димитрий, святитель Ростовский, Указ. соч.
- ⁷ Филарет, архиепископ Черниговский. Указ. соч., с. 183—186.
- ⁸ Димитрий, святитель Ростовский. Указ. соч.,
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Карабинов И. А. Постная Триодь..., с. 98.
- ¹¹ Филарет, архиепископ Черниговский и Нежинский. Исторический обзор песнопевцев и песнопения греческой Церкви. Чернигов, 1864, с. 235—236.
- ¹² Там же, с. 240—241.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Карабинов И. А. Постная Триодь..., с. 101.
- ¹⁵ Там же, с. 99 и 106.
- ¹⁶ Филарет, архиепископ Черниговский. Исторический обзор..., с. 237.
- ¹⁷ Там же, с. 235.
- ¹⁸ Филарет, архиепископ Черниговский. Историческое учение..., с. 184.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Голубцов А. П., профессор. Из чтений по церковной археологии и литургике. Ч. 2. Литургия. Сергиев Посад, 1918, с. 220.
- ²¹ Там же.
- ²² Аверинцев С. С., Сыркин А. Я. Византийская культура в конце VII — первой половине IX в.— В кн.: «История Византии», ч. 2. М., 1967, с. 88.
- ²³ Филарет, архиепископ Черниговский. Историческое учение..., с. 185.
- ²⁴ Ловягин Е. И., профессор. Богослужбные каноны на греческом, славянском и русском языках. СПб., 1875, с. 153.
- ²⁵ Филарет, архиепископ Черниговский. Исторический обзор..., с. 238.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Карабинов И. А. Постная Триодь..., с. 104—105.
- ²⁸ Филарет, архиепископ Черниговский. Историческое учение..., с. 185 (примечания).
- ²⁹ Карабинов И. А. Постная Триодь..., с. 103.

- ³⁰ Ловягин Е. И., профессор. Богослужебные каноны..., с. 153.
- ³¹ Триодь Постная. М., Спб. тип., 1895. 5-я седмица Великого поста. Утренняя четверга.
- ³² Филарет, архиепископ Черниговский. Историческое учение..., с. 185.
- ³³ Там же, с. 185—186.
- ³⁴ Карабинов И. А. Постная Триодь..., с. 104—105.
- ³⁵ Ловягин Е. И. Богослужебные каноны..., с. 155—156.
- ³⁶ Там же, с. 154.
- ³⁷ Карабинов И. А. Постная Триодь..., с. 156.
- ³⁸ Ловягин Е. И. Указ. соч., с. 154—155. ³⁹ Там же, с. 161 и др. ⁴⁰ Там же, с. 178.
- ⁴¹ Там же, с. 184, 186. ⁴² Там же, с. 169. ⁴³ Там же, с. 190.
- ⁴⁴ Филарет, архиепископ Черниговский. Историческое учение..., с. 184—185.
- ⁴⁵ Ловягин Е. И. Богослужебные каноны..., с. 155.
- ⁴⁶ Там же, с. 172. ⁴⁷ Там же, с. 160. ⁴⁸ Там же, с. 163. ⁴⁹ Там же, с. 181. ⁵⁰ Там же, с. 168. ⁵¹ Там же, с. 175. ⁵² Там же, с. 158. ⁵³ Там же, с. 156. ⁵⁴ Там же, с. 186.
- ⁵⁵ Там же, с. 159. ⁵⁶ Там же, с. 177. ⁵⁷ Там же, с. 169. ⁵⁸ Там же, с. 173. ⁵⁹ Там же, с. 155. ⁶⁰ Там же, с. 157. ⁶¹ Там же, с. 162. ⁶² Там же, с. 164. ⁶³ Там же, с. 165.
- ⁶⁴ Там же, с. 167.
- ⁶⁵ Игнатий (Брянчанинов), епископ. Сочинения. Аскетические опыты, ч. I. СПб., 1905, с. 520—521.
- ⁶⁶ Ловягин Е. И. Богослужебные каноны..., с. 168.
- ⁶⁷ Там же, с. 178—179. ⁶⁸ Там же, с. 179—180. ⁶⁹ Там же, с. 174. ⁷⁰ Там же, с. 178.
- ⁷¹ Там же, с. 185. ⁷² Там же, с. 187. ⁷³ Там же, с. 190.
- ⁷⁴ Карабинов И. А. Постная Триодь..., с. 101.
- ⁷⁵ Триодь Постная, М., Спб. тип., 1895. Сырная седмица, утренняя среды, песнь 1-я.
- ⁷⁶ Там же, Неделя Вапй, канон на повечерии пятницы, песнь 3-я. ⁷⁷ Там же, песнь 6-я. ⁷⁸ Там же, песнь 7-я. ⁷⁹ Там же, песнь 9-я.
- ⁸⁰ Там же, трипеснец на повечерии Недели Вапй, песнь 8-я.
- ⁸¹ Там же, песнь 9-я. ⁸² Там же, песнь 1-я.
- ⁸³ Там же, Страстная седмица, трипеснец на повечерии Великого понедельника, песнь 2-я. ⁸⁴ Там же, трипеснец на повечерии Великого вторника, песнь 8-я.
- ⁸⁵ Там же, трипеснец на повечерии Великой среды, песнь 6-я.
- ⁸⁶ Там же, песнь 8-я. ⁸⁷ Там же, песнь 9-я.
- ⁸⁸ Триодь Цветная (Пентикостарий). М., 1742. Неделя третья по Пасхе, канон, песнь 1-я. ⁸⁹ Там же, песнь 4-я. ⁹⁰ Там же, песнь 6-я. ⁹¹ Там же, песнь 8-я.
- ⁹² Там же, эксапостиларий на «Слава и ныне» Недели третьей по Пасхе. ⁹³ Там же, Неделя четвертая по Пасхе, канон утренняя среды, песнь 1-я. ⁹⁴ Там же, песнь 3-я. ⁹⁵ Там же, песнь 4-я. ⁹⁶ Там же, песнь 9-я. ⁹⁷ Там же, песнь 7-я.
- ⁹⁸ Там же, песнь 9-я.
- ⁹⁹ Миняя месячная. Спб. тип., 1913. Месяц декабрь, 20-е. ¹⁰⁰ Там же, месяц декабрь, 9-е. ¹⁰¹ Там же, месяц июнь, 24-е. ¹⁰² Там же, месяц сентябрь, 8-е. ¹⁰³ Там же, месяц декабрь, 20-е.
- ¹⁰⁴ Филарет, архиепископ Черниговский. Исторический обзор..., с. 237.
- ¹⁰⁵ Карабинов И. А., Постная Триодь..., с. 115—117.
- ¹⁰⁶ Миняя месячная. Месяц февраль, 2-е. ¹⁰⁷ Там же, месяц июнь, 29-е. ¹⁰⁸ Там же, месяц декабрь, 20-е. ¹⁰⁹ Там же, месяц июль, 4-е.
- ¹¹⁰ Триодь Постная, М., Спб. тип., 1895, трипеснец на повечерии Великого понедельника.